

Е.Ю. СЕРГЕЕВ

“БОЛЬШАЯ ИГРА”. РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (вторая половина XIX – начало XX века)

Феномен “Большой игры”, обусловленной взаимодействием Британской и Российской империй в странах Востока на протяжении второй половины XIX – начала XX в. требует переосмысления, связанного с уточнением содержания этого процесса, его хронологических рамок, локализации в пространстве, основных этапов.

Традиционно понятие “Большая игра” связывается исключительно с соперничеством Англии и России в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. Наступательная политика царского правительства в этом регионе вынудила британский кабинет министров решать сразу три задачи: во-первых, сохранять баланс сил в Европе, во-вторых, обеспечивать безопасность Индии как главного источника благосостояния метрополии и, в-третьих, защищать стратегические торговые пути.

Однако, как показали новейшие исследования, такое представление о “Большой игре” является неполным; оно не отвечает современному взгляду на рассматриваемую проблему. Генезис, содержание и специфика “Большой игры”, ее воздействие на международные отношения, все еще остаются не достаточно изученными. В исследовательской литературе, как отечественной, так и зарубежной, история “Большой игры” по-прежнему представлена фрагментарно. Да и понятие “Большой игры” сегодня часто употребляется скорее в качестве литературного штампа для обозначения геополитического соперничества различных государств – от США до Китая, что лишает его конкретно-исторического смысла¹.

Специалисты обычно рассматривают “Большую игру” Великобритании и России либо в границах таких государственных образований, как Персия, Афганистан, ханства Центральной Азии и т.д., либо как процесс, обусловленный исключительно военно-политическими соображениями основных участников. За рамками исследования остаются экономические и социо-культурные мотивы “Большой игры”, определявшие, в частности, необходимость модернизации традиционных восточных обществ, которую европейские державы сумели им навязать.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в контексте изучения “Большой игры” остается ее происхождение и причины. Подчеркнем, что расширение Британ-

---

Сергеев Евгений Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра “XX век: социально-политические и экономические проблемы” Института всеобщей истории РАН.

¹ *Page S.* The Creation of a Sphere of Influence: Russia and Central Asia. – Canadian Institute of International Affairs, International Journal, 1994, v. 49, №4, p. 788–813; *Cuthbertson I.* The New “Great Game” (Central Asia and the Transcaucasus). – World Policy Journal, 1994, v. 11, №4, p. 31; *Ahrari M.E.* The New Great Game in Muslim Central Asia. – Macnair Paper, 1996, №47; *Lieven A.* The (Not So) Great Game. – National Interest, №1, 1999, p. 69; *Rasizade A.* The Specter of a New “Great Game” in Central Asia. – Foreign Service Journal, 2002, №11, p. 48–52; *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia (oil and gas resources and the struggle to control them). New York, 2003; *Сухов И.* Солдат Большой игры. – Время новостей, 26.II.2009; *China and India in Central Asia: A New “Great Game”?* Basingstoke, 2010.

ской и Российской империй навстречу друг другу в Центральной и Восточной Азии прежде всего зависело от геостратегических устремлений их правящих кругов, ориентированных на достижение естественных границ территориальной экспансии. Престиж и могущество государств традиционно связывались с протяженностью владений и богатством природных ресурсов, находившихся под их контролем. В этом смысле Британская и Российская империи не являлись исключениями. Сменявшие друг друга у власти либеральные и консервативные правительства Соединенного Королевства делали все от них зависящее, чтобы компенсировать потерю северо-американских колоний (“первой империи”) за счет приобретения владений в Азии и Африке (“второй империи”); российские самодержцы, начиная с Петра I, совершившего поход к берегам Каспия, считали достижение восточных и южных морей одной из важнейших целей внешней политики².

Комментируя неуклонное движение России на Юг и на Восток, через обширные степи, песчаные пустыни и высокие горные хребты, чтобы получить выходы к наиболее значимым морским коммуникациям, американская газета “Нью-Йорк Таймс” 29 января 1879 г. писала: “Поскольку великими магистральными путями западной коммерции являются Средиземное море, Атлантический и Индийский океаны, и в силу того, что она (Россия. – *E.C.*) обладает крайне неподходящими средствами, чтобы достичь их, крупнейшей проблемой российской государственности продолжает оставаться, как это и было в течение последних двухсот лет, вопрос о том, каким образом обеспечить южную морскую границу”³.

Интересы Российской империи определяли значимость ключевых опорных пунктов на морском побережье, таких как Мурманск и Архангельск в северных водах, Константинополь в Черноморских проливах, Ливава и Рига на Балтике, Владивосток и Порт-Артур на Тихом океане⁴.

Таким образом, геостратегический потенциал континентальной империи усиливался за счет обретения ею морской мощи, гарантировавшей защиту побережья и сухопутных границ. Характерно, что британский геополитик А. Мэхен, один из основоположников концепции “силы на морях”, сравнивал продвижение России к берегам Персидского залива с аналогичными действиями Англии в Египте: “Россия находится в неблагоприятной позиции для аккумуляции национального богатства, иначе говоря, она испытывает нехватку средств для повышения благосостояния своего населения, принимая во внимание его первоочередную значимость. Для такого положе-

---

² Историки в основном сходятся во мнении о том, что “Завещание Петра Великого” – стратегический план действий для преемников Петра с целью установления мирового господства России, в котором ставилась цель “приблизиться елико возможно ближе к Константинополю и к Индии” – это фальсификация (*Locart L. The Political Testament of Peter the Great. – Slavonic Review, 1937, №37, p. 38–53; Павленко И.И. Три завещания Петра I. – Вопросы истории, 1979, №2, с. 129–144; Данилова Е.Н. Завещание Петра Великого. – Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1985, с. 213–279*). Автор не разделяет мнения специалистов, пытающихся обосновать “французский след” этой фальшивки (*Wint G. The British in Asia. London, 1947, p. 136*). Как показывают новейшие исследования, “Завещание Петра Великого” было сфабриковано в кругах польских политических эмигрантов, чтобы расколоть антифранцузскую коалицию Австрии, Пруссии, России и Великобритании в период Наполеоновских войн. – *Мезин С. Завещание Петра Великого: европейские мифы и российская реальность. – Российская история. 2010, № 4.*

³ Цит. по: *Yetisgin M. How The Times of London Covered and Interpreted Russian Expansion into Central Asia in the Second Half of the Nineteenth Century. Austin (Tx.), 2000, p. 77–78.*

⁴ Из работ зарубежных авторов о территориальной экспансии имперской и Советской России отметим: *Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective. New Haven (Conn.) – London, 1962; Jelavich B. St Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy, 1814–1974. Bloomington (Ind.) – London, 1974; Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick (NJ), 1974; Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York – Oxford, 1997; Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000.*

ния естественно и адекватно высказывать неудовлетворение, которое в свою очередь легко принимает форму агрессии – понятия, часто используемого теми из нас, кому не нравится любое поступательное движение нации”⁵.

Вместе с тем, устремления России в Центральной и Восточной Азии требовали значительных расходов государства, в частности на обустройство военных поселений и пограничных опорных пунктов, которые составляли защитные линии, а также на осуществление мер по колонизации обширных территорий с редким населением. Именно поэтому важно было определить естественные границы, которые нередко формировали области компактного проживания автохтонных этнических общностей, различавшихся языком, религиозными верованиями и культурными традициями. Это помогало наладить контакты с земледельческим населением, умиротворить воинственные кочевые племена, а также обеспечить безопасность караванных дорог, пересекавших весь Евразийский континент⁶.

Со своей стороны, Великобритания была озабочена необходимостью завершить промышленную революцию и закрепить лидерство на мировых товарных рынках. В противоположность доктрине меркантилизма, обосновывавшей движение англичан за пределы Старого Света в раннее Новое время, “вторая империя” создавалась на принципах конкурентной экономики, которые нашли отражение в классических трудах А. Смита, Д. Риккардо и Дж. С. Милля. Если в XVII–XVIII вв. “первая империя” привлекала главным образом плантаторов и перекупщиков сырья, которые курсировали между Лондоном и Нью-Йорком, чтобы обогатиться в отдаленных уголках британских владений, то предприниматели “второй волны” стремились вкладывать средства в формирование новых рынков для продукции британских фабрик, обеспечивая их одновременно требуемыми источниками сырья⁷.

Представители аристократических семей, за редким исключением, по-прежнему занимали ключевые государственные посты как в Российской, так и Британской империях на протяжении всего XIX в., принимая внешнеполитические решения нередко в ущерб экономическим интересам промышленников и социальным нуждам наемных работников. “Британская элита, которая рекрутировалась из аристократии на протяжении длительного периода времени и которая преимущественно получала классическое образование в Оксфорде или Кембридже, как правило, пренебрежительно относилась к бизнесу”⁸.

Однако к концу Нового времени прагматизм и трезвый расчет государственных деятелей и бизнесменов, проводников политической и экономической экспансии Британии в азиатских странах, стали постепенно брать верх над стремлением отпрысков родовитых семейств отправиться навстречу опасностям в отдаленные экзотические страны.

Одной из типичных особенностей как русской, так и британской колониальных администраций на протяжении XIX в. выступала сравнительно широкая автономия на местах военных и гражданских чиновников, назначенных правительствами метрополий. Не лишены карьерных амбиций, они сочетали в себе стремление к точному выполнению служебных обязанностей “на окраинах империй” с непоколебимой верой в то, что их призвание – борьба за национальные интересы поистине космического масштаба. Энергичная деятельность таких лиц находила отражение не только в ре-

---

⁵ Mahan A. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London, 1900, p. 25, 44, 56.

⁶ Известным в России, но незнакомым для западноевропейцев до сих пор остается труд по этнической структуре населения Азии: Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876.

⁷ Davis L., Huttenback R. Mammon and the Pursuit of Empire. Cambridge, 1986, p. 71.

⁸ Hyam R. The Primacy of Geopolitics: The Dynamics of British Imperial Policy, 1763–1963. – The Statemancraft of British Imperialism. London – Portland, 1999, p. 29.

портажах журналистов, но и красочно описывалась в приключенческих романах и воспевалась на страницах поэтических произведений⁹.

Однако, несмотря на внешнюю схожесть цивилизаторских миссий на Востоке, между Россией и Великобританией существовали, по крайней мере, три явных отличия. Если Россия к середине XIX в., то есть времени начала “Большой игры”, оставалась континентальной доиндустриальной страной, правительство которой, как справедливо отмечает английский историк А. Рибер, продолжало бороться с “оттоком населения, либо уклонявшегося от выполнения государственных обязанностей, либо стремившегося к дополнительным экономическим возможностям и повышению благосостояния”¹⁰, то Великобритания превратилась в крупнейшую морскую державу, “мастерскую мира”, которая восстановила свое могущество после временного ослабления, вызванного американской революцией и наполеоновскими войнами, и испытала индустриальную модернизацию 1780–1840-х годов.

Влияние Великобритании на международные отношения в период царствования королевы Виктории подробно описано в историографии¹¹. “Вторую империю” можно охарактеризовать как “протестантскую, коммерческую и морскую” державу, чьи владения связаны между собой свободой торговли и чей девиз символизировали три латинские буквы “С”: “*Commer*ce, *Christi*anity and *Civilization*” – “Торговля, Христианство и Цивилизация”¹².

В противоположность царской России, британская политическая элита к середине XIX в. остро ощущала необходимость согласования либеральных принципов парламентарной демократии, существовавшей в метрополии, с преимущественно авторитарным стилем управления Лондоном колониальной периферией, за исключением так называемых “белых” доминионов, куда был успешно перенесен опыт создания институтов представительной власти.

По контрасту с Россией, Великобритания предпочитала утверждать свое господство над зависимыми территориями с помощью закулисных сделок, компромиссных подходов и денежных субсидий местным правителям, хотя британский кабинет министров не гнушался использовать и военную силу в случаях отказа местных царьков поддерживать “гармонию” двухсторонних отношений. Учитывая очевидное лидерство в обеспечении морских перевозок и торговли, подавляющее большинство британцев рассматривало сначала коммерческие, а затем и предпринимательские доходы как более значимые для роста благосостояния империи, чем сомнительные выгоды, получаемые в результате осуществления жесткого военно-политического контроля над ситуацией в заморских территориях.

Вот почему помимо геостратегических мотивов “Большой игры” ее начало было обусловлено комплексом экономических причин. Несмотря на общую для двух империй потребность в расширении сырьевой базы для промышленного развития, многие эксперты обращали внимание на различный характер британской и российской коммерции. По данным статистики, Англия получала значительный доход от торговли с Азией, в особенности с такими странами, как Китай и Индия. Благодаря положительному сальдо внешнеторгового баланса, ей удавалось покрывать дефицит, возникший в результате экспортно-импортных операций с компаниями США и Европы,

---

⁹ *Huttenback R.* “The Great Game” in the Pamirs and the Hindu Kush: The British Conquest of Hunza and Nagar. – *Modern Asian Studies*, 1975, v. 9, p. 2.

¹⁰ *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи. – Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004, с. 60.

¹¹ *Morris J.* Pax Britannica: The Climax of an Empire. London, 1968; *Bourne K.* The Foreign Policy of Victorian England, 1830–1902. Oxford, 1970; *Judd D.* The Victorian Empire. London, 1970; *Porter B.* The Lion’s Share: A Short History of British Imperialism, 1850–1970. London – New York, 1975; *Hyam R.* Britain’s Imperial Century. 1815–1914: A Study of Empire and Expansion. London, 1976; *Lawrence J.* The Rise and Fall of the British Empire. London, 1994.

¹² *Armitage D.* The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2002, p. 198; *Eldridge C.* Victorian Imperialism. London, 1978, p. 123.

включая Россию, которая занимала второе место после Франции по объему торговли с Британией на протяжении 1860-х – 1880-х годов. Как подчеркивают специалисты, профицит в торговле с Индией повлиял на намерение Лондона сохранить низкие взаимные тарифы в коммерческих транзакциях с США и государствами Европы. Неудивительно, поэтому, что имперская экспансия казалась сторонникам наступательной внешней политики “неизбежной данностью и величественным обязательством” по поддержанию мирового лидерства Великобритании¹³.

В отличие от английских промышленников, российские предприниматели не были готовы вступить в открытую борьбу с конкурентами на европейских потребительских рынках. Однако необходимый совокупный спрос на товары отечественных компаний как внутри империи, так и в соседних азиатских странах можно было также обеспечить политическими методами. Согласно меморандуму атташе британского посольства в Санкт-Петербурге Т. Мичелла о торговле между Англией и Россией в 1865 г., “целью, в жертву достижения которой ежегодно приносятся таможенные сборы в таких больших масштабах, допускается так много обмана и дезорганизации, а международные коммерческие связи воспринимаются с пренебрежением, целью, с которой, как следует помнить, связаны самые важные интересы России, этой целью выступает защита ее экономики от разрушительной иностранной конкуренции”¹⁴.

Важно подчеркнуть, что российские купцы обычно стремились выйти на те локальные рынки, где царские дипломаты и военные обеспечивали их товарам монопольные позиции. Иначе говоря, большинство торговцев, главным образом азиатского происхождения, которые осуществляли товарные поставки из пределов Российской империи в Центральную и Восточную Азию, превратились бы в банкротов в случае распространения на эти регионы принципов свободы торговли. Дело в том, что лишь очень ограниченное количество предметов экспорта из России могли на равных конкурировать по цене и качеству с товарами из Британской Индии или Цинского Китая. Такие российские продукты, как набивные ситцы¹⁵, металлическая посуда, метизы, кожа, сахар, керосин, мука, составляли в общей сложности 80% вывоза империи в страны Востока¹⁶. Не случайно, русские купцы традиционно обвиняли британских торговцев в ведении нечестной конкурентной борьбы, требуя одновременно от царского правительства усиления протекционистской политики в Азии. В 1850-е – 1860-е годы военные и гражданские чиновники на местах направляли высшему руководству доклады, в которых предлагались различные варианты защиты российских изделий от иностранной конкуренции, чтобы не допустить проникновения британских, точнее, англо-индийских товаров на рынки, к примеру, Бухары, Самарканда и Хивы. Один из военных аналитиков критиковал Великобританию за то, что ее экспорт вытеснял российскую продукцию из Центральной Азии: “Англия имеет на своей стороне все шансы, чтобы склонить эмира (Бухары. – *Е.С.*) на свою сторону и чтобы сделать из него самого верного союзника. Иначе сказать, Англия легко приобретет то, в чем состоит весь среднеазиатский вопрос, для выгодного решения которого необходимо

---

¹³ *Latham A.* The International Economy and the Underdeveloped World. London, 1978, p. 175; *Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. Л., 1975, с. 4, 153.

¹⁴ British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Russia, 1859–1914 (далее – BDF). Washington, 1983–1989, p. 1, ser. A, v. 1, 1983, p. 117.

¹⁵ *Федоров М.П.* Соперничество торговых интересов на Востоке. Доклад на заседании Совета Общества востоковедов. СПб., 1903, с. 14. М.А. Терентьев с гордостью отмечал, что “русские набивные ситцы продавались по всей Центральной Азии и успешно конкурировали с британскими тканями”. – *Терентьев М.А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876, с. 34.

¹⁶ *Lunger A.* The Economic Background of the Russian Conquest of Central Asia in the Second Half of the Nineteenth Century. London, 1952; *Curzon G.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1967, p. 376.

только дать возможность появиться британскому купцу в Бухаре. После этого для Англии все будет возможно”¹⁷.

Петр Великий был первым государем, который в 1717 г. ввел единый таможенный тариф на территории России. С этого времени русское правительство проводило политику меркантилизма на протяжении многих десятилетий. К 1850 г. новый таможенный тариф пришел на смену старому, позволив властям удерживать от снижения высокие тарифные ставки на импортные товары вплоть до 1890-х годов¹⁸.

В этой связи отметим, что основное направление российского экспорта в азиатские государства неоднократно изменялось на протяжении первой половины XIX в. вслед за колебаниями экономической и политической конъюнктуры. Если в 1820-е годы главным торговым партнером России на Востоке выступала Персия, то в последующее десятилетие более активно развивалась коммерция с Афганистаном и ханствами Центральной Азии. “Жители Персии сообщали о высокой коммерческой активности России, – констатирует современный британский историк, – когда огромные караваны, состоявшие из 4–5 тыс. верблюдов ежегодно совершали четырехмесячное путешествие между Бухарой и владениями царя”¹⁹.

Затем наступила эпоха русско-китайского сближения, которое сопровождалось интенсификацией двухсторонних торговых контактов в течение 1840-х – 1850-х годов. Соответственно объем товарооборота между Россией и такими ханствами, как Бухарское и Хивинское, временно снизился. К 1856 г. русский импорт на азиатских границах составлял примерно 14% от общей суммы внешней торговли, а экспорт в страны Востока превышал 60% всего вывоза за рубеж. Доля азиатских государств в годовом импорте России соответствовала 58,2% для Цинской империи, 20% для территорий, занятых казахскими племенными объединениями (жузами), 14,8% для Афганистана и Персии и лишь 7% для центральноазиатских эмиратов²⁰. В таких условиях новые российские коммерческие предприятия росли, словно грибы после дождя. К примеру, крупный коммерсант В.А. Кокорев, с подачи кавказского наместника князя А.И. Барятинского, основал Транскаспийскую торговую компанию. Компания стремилась выйти с российскими товарами на потребительские рынки Персии, Афганистана и туркменских племен, покупая там сырье, золото и драгоценные камни²¹.

Протекционистская политика имела своим результатом принятие царским правительством в 1881 г. временных правил импортной торговли. Эти правила определяли, что все караваны, следовавшие из вассальных Бухарского и Хивинского ханств в Туркестанское генерал-губернаторство, должны были проходить таможенный досмотр на специальных постах для предотвращения бесконтрольного провоза европейских, главным образом, англо-индийских товаров. Принятие правил, несмотря на их “временность”, свидетельствовало о том, что царская колониальная администрация сохраняла приверженность запретительной таможенной системе в Центральной Азии. Ее становление завершилось к середине 1890-х годов, когда таможенные чиновники были размещены во всех пограничных пунктах Российской империи на Востоке²².

---

¹⁷ Цит. по: *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией, 40-е – 60-е гг. XIX в. М., 1963, с. 97.

¹⁸ *Иванов К.Е.* Таможенная политика Российской империи в конце XIX – начале XX в.: переход к системе конвенциональных торговых соглашений. СПб., 2006, с. 29–31.

¹⁹ *Stewart J.* Spying for the Raj. The Pundits and the Mapping of the Himalaya. Stroud, 2006, p. 32. О русско-персидских торговых отношениях в первой половине XIX в. см.: *Сухоруков С.Ю.* Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб., 2009, с.53–108.

²⁰ *Рожкова М.К.* Указ. соч., с. 59–60.

²¹ *Халфин Н.А.* Политика России в Центральной Азии. М., 1960, с. 26.

²² О русской экономической политике в Туркестане см.: *Yetisgin M.* Op. cit., p. 240–99; *Абдурахимова Н.А.* Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. – Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ, 2008, №1–4, с. 62–88.

События в других местах планеты также влияли на торговые связи. Например, после начала Гражданской войны в США в 1861 г. наблюдалось резкое падение закупок хлопка-сырца русскими компаниями. В связи с этим текстильные предприятия вынуждены были приступить к переориентации на импорт этого стратегически важного вида сырья из Центральной Азии, несмотря на более низкое качество и неподготовленность оборудования для переработки коротковолокнистого узбекского хлопка, в отличие от длиноволокнистого хлопка из Северной Америки или Египта. Для того чтобы контролировать источники поступления хлопка, российские власти попытались монополизировать сухопутную торговлю с Персией, Бухарой, Хивой и Китаем.

Не экономическое, а, используя современную терминологию, логистическое, обеспечение военных перевозок, выступало главным побудительным мотивом для российского правительства, когда оно приняло решение приступить к сооружению железных дорог, ведущих из европейской части России и Южной Сибири в Туркестан. Определенную роль в принятии такого решения сыграло также недостаточное развитие торгового флота, способного транспортировать сырье и готовую продукцию по морским путям. В результате, согласно данным статистики, общая протяженность железнодорожных магистралей в Центральной Азии, сооруженных в период с 1872 по 1915 г., превысила 5 тыс. км, не считая боковых ответвлений в Поволжье и на Урал²³.

В то же время, доходы от торговли между метрополией и Индостаном обеспечивали Великобританию совокупное положительное сальдо платежного баланса на протяжении почти всего XIX в. Индия играла ключевую роль и как перевалочная база для перевозки сырья и товаров между атлантическим и тихоокеанским бассейнами. Статистические сводки 1860-х годов показывают, что доля английских изделий в китайском импорте составляла 90%, причем на товары из метрополии и Индии приходилось соответственно 33,4% и 35,6% (оставшаяся их часть поступала в Поднебесную из Гонконга и других заморских владений Британской империи). И хотя доля Индии в китайском экспорте не превышала 0,4% в сравнении с 13% Гонконга, через ее порты транзитом проходило 61,8% перевозок товаров из Китая к британским берегам²⁴. “Мы обязаны оберегать Индию как краеугольный камень процветания Великобритании”, – таков был непоколебимый принцип государственной политики на протяжении всей викторианской эпохи. Характерным в этом отношении представляется комментарий газеты “Нью-Йорк Таймс”, которая в 1869 г. писала: “Великобритания наблюдает с ревностью и большой опаской не только за продвижением России из бассейна Черного моря в направлении Турции и Средиземноморья, но и за аналогичными действиями русских вдоль восточного берега Каспийского моря вглубь Туркестана к Бухаре, рассматривая эти регионы с точки зрения угрозы подходам к северо-западным границам ее Индийской империи; именно поэтому линия Гиндукуша, великого естественного рубежа на этой границе, так тщательно охраняется”²⁵.

Отсюда становятся ясными причины затяжных локальных войн 1830-х – 1840-х годов, которые вели англичане против воинственных “свободных” племен, населявших северо-западный сектор полуострова Индостан. С этой точки зрения угроза русского вторжения в Индию рассматривалась Лондоном как серьезная помеха для утверждения там власти британской короны. Окончание сначала Крымской, а вслед за ней и Кавказской войн, значительно усилило опасения Лондона на этот счет.

Было бы, однако, неверным считать, что к середине XIX в. англо-индийские торговцы сосредоточили контроль над потребительскими рынками Азии в своих руках²⁶. Хотя Англия занимала тогда первое место среди внешнеторговых партнеров России,

²³ *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980, с. 60; *Абдурахимова Н.А.* Указ. соч., с. 74–76.

²⁴ *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке, XIX – начало XX в. М., 1987, с. 45.

²⁵ The New York Times, 21.III.1869.

²⁶ Ibidem.

баланс русско-британской торговли складывался в пользу Санкт-Петербурга. Кроме того, Цинский Китай, а не Великобритания, по крайней мере, в первой половине XIX в. продолжал выступать главным конкурентом России на рынках ханств Центральной Азии, Восточного Туркестана и в небольших горных княжествах Памира и Гиндукуша²⁷.

Рассмотрев политические и экономические предпосылки начала “Большой игры”, следует обратиться к анализу ее социо-культурных и цивилизационных мотивов. К. Маркс, который на протяжении 1850-х годов был внештатным корреспондентом крупной американской газеты “Нью-Йорк Дейли Трибюн”, одним из первых обратил внимание на эти факторы. Оценивая будущие результаты британского владычества, он 8 августа 1853 г. писал: “Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой, – заложить материальную основу западного общества в Азии”²⁸. Аналогичное мнение, хотя и спустя три десятилетия, высказывали российские эксперты в отношении прогрессивной роли царской империи в Туркестане: “Русские много сделали для местной цивилизации, прекратив этот хищнический режим (имеется в виду власть хана. – Е.С.) и дав первый толчок к ассимиляции различных по хозяйственному типу элементов населения. Благодаря нам обезопасились исконные торговые пути”²⁹.

По свидетельствам современников, представители почти всех социальных слоев Европы, не исключая властные элиты, были склонны рассматривать как британскую, так и русскую экспансию в страны Востока как необходимое средство ликвидации местных деспотий с их антигуманными законами, всеобщим бесправием, нищетой и болезнями. На Восток предполагалось распространить принципы политики и нормы поведения европейских просвещенных монархий. Примечательно, что даже природные условия азиатских стран, с точки зрения путешественников из Старого Света, соответствовали застывшим, средневековым формам политического устройства ханств и эмиратств. В качестве примера приведем отрывок из отчета капитана Ч.Ч. Валиханова, выходяца из знатного казахского рода, поступившего на русскую службу. Валиханов так описал ситуацию, сложившуюся в ханствах к середине XIX в.: «Центральная Азия на сегодняшнем этапе социальной организации представляет собой поистине печальное зрелище; ее современную стадию развития можно, так сказать, назвать патологическим кризисом. Вся территория без какого-либо преувеличения является ничем иным, как огромной пустошью, которую временами пересекают брошенные акведуки, каналы и колодцы. По затерянным песчаным равнинам с кое-где встречающимися развалинами, поросшими уродливым колючим кустарником и тамариском, бродят стада диких ослов, и вряд ли менее агрессивных сайгаков. В середине этой “Сахары”, по берегам рек попадаются небольшие оазисы, где растут тенистые тополя, вязы и тутовые деревья, дающие людям тень. Ничто не нарушает однообразия пейзажа, за исключением встречающихся местами плохо обработанных рисовых полей и плантаций хлопка, перемежающихся иногда виноградниками и вишневыми садами, оставленными ленивым и недальновидным населением заботам Аллаха. В центре этих оазисов, возвышаясь над многочисленными курганами древних городов, уже давно занесенных песками, стоят жалкие глинобитные хижинки, в которых живут представители дикой, варварской расы, деморализованные исламом и превращенные почти в идиотов политическим и религиозным деспотизмом их правителей»³⁰.

²⁷ Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам. СПб., 1883, с. 11, 17.

²⁸ Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. The New York Daily Tribune, 8.VIII.1853. – Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 9. М., 1957, с. 225.

²⁹ Субботин А.П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. Историко-экономический этюд. СПб., 1885, с. 27.

³⁰ Цит. по: The Russians in Central Asia. London, 1865, p. 47–48.

Несмотря на различия в геостратегических амбициях великих держав, все они признавали роль христианской Европы в осуществлении цивилизаторской миссии на Востоке. Более того, монархи и политические лидеры Великобритании и России разделяли точку зрения, согласно которой христианская цивилизация, будь она католическая, протестантская (англиканская) или православная, являлась несравнимо более прогрессивной по своей сути, чем мусульманская, буддийская или конфуцианская. В одной из официальных нот на имя барона Ф.И. Бруннова, посла России в Соединенном Королевстве, министр иностранных дел Великобритании лорд Рассел так высказывался по этому поводу: “Я признаю цели русского правительства вполне законными, и в целом я всегда стоял на стороне цивилизованной державы против варварской страны. Мы (британцы. – *Е.С.*) сами действовали в Индии в силу непреодолимых обстоятельств, которые нередко заводили нас дальше, чем мы могли предположить заранее”³¹.

Многие русские и британские высокопоставленные чиновники без преувеличения гордились той колоссальной ролью, которую, по их мнению, были призваны сыграть на Востоке обе империи. Например, лорд Лофтус, глава британского посольства в Санкт-Петербурге, полагал, что Англии и России “следует сообща продвигать цивилизацию и развивать как промышленность, так и торговлю в своих сферах (влияния. – *Е.С.*), без какой-либо ревности и без стремления к гегемонии”³². Сходную точку зрения излагал и министр иностранных дел России А.М. Горчаков относительно перспектив распространения христианского просвещения в так называемых “варварских” государственных образованиях: “Позиция России в Центральной Азии соответствует воззрениям всех цивилизованных стран, которые вовлечены в контакты с полудиким кочевым населением, не обладающим закрепленной общественной организацией. В таких случаях всегда происходит так, что более цивилизованное государство вынуждено в интересах безопасности своей границы и коммерческих отношений определенным образом господствовать над теми (племенами. – *Е.С.*), чей беспокойный и воинственный характер превращает их в нежелательных соседей”³³.

В этом контексте, используя метафору британского историка Э. Саида, “Запад рассматривался как герой, спасающий Восток от обскурантизма, отчуждения и неприязненности”³⁴. Несмотря на общеевропейское содержание концепции “бремени белого человека”, фактически провозглашенной Российской и Британской империями в середине XIX в., характер российского и британского продвижения на просторах Евразии имел ряд отличий. В противоположность британцам, которые руководствовались принципами англиканской, по сути протестантской этики, хотя их оппоненты утверждали, что внешнеполитическая активность Лондона направлена лишь на эксплуатацию колоний и извлечение сверхприбылей³⁵, многие русские искренне считали, что только они выступают реальными защитниками европейских прав и свобод, поскольку Российское государство всегда защищало Европу от бесчисленных кочевых орд, намеревавшихся вторгнуться в Старый Свет из глубин Восточной Азии. Обозреватель Санкт-Петербургского “Экономического журнала” А.П. Субботин прибегнул к такому сравнению, чтобы обосновать это утверждение: «Самая (так в тексте. – *Е.С.*) роль России как передового поста Европы, не раз спасавшего ее от гибели, дает ей право на те страны, откуда выходили полчища, так долго тормозившие ее государственное развитие. Обладание смежными областями Средней Азии, вызываемое географической и исторической необходимостью, составляет отчасти справедливое возмещение

³¹ Цит. по: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 169, оп. 36, д. 36, л. 1–2.

³² *Loftus A. The Diplomatic Reminiscences, 1837–1862, v. 1. London, 1892, p. 271.*

³³ Архив внешней политики Российской империи, ф. 133, оп. 469, д. 79, л. 585–586; BDF, p. 1, ser. A, v. 1, p. 287.

³⁴ *Said E. Orientalism. Western Conceptions of the Orient. New York, 1979, p. 121.*

³⁵ *Curzon G. The True Imperialism. – The Nineteenth Century and After, 1908, v. 63, № 371, p. 155.*

за вековую борьбу с азиатской гидрой, причем России пришлось много претерпеть за то, что она стала как раз на дороге из Азии в Европу, за то, что она мешала азиатским ордам «потопить» европейские государства, ограждая последние своей широкой спиной»³⁶.

Русские, по мнению некоторых публицистов, стремились завершить великое историческое предназначение своего государства – подчинить своей власти земли распавшейся Золотой Орды. Тот факт, что большинство кочевников в Центральной и Восточной Азии совершали набеги не только на российские приграничные районы, но и на сельскохозяйственные поселения в Персии, Афганистане или Китайском Туркестане, дополнительно стимулировал продвижение России на Восток. Невольничьи рынки крупных торговых центров Азии никогда не были так переполнены людьми всех рас и национальностей, как в середине 1850-х – первой половине 1860-х годов³⁷.

Показательно также, что британская политическая элита в течение длительного времени культивировала «теорию Питера Пэна», популярного сказочного персонажа, который пожелал навсегда остаться ребенком. Ее приверженцы были склонны рассматривать азиатов как детей, которые никогда не станут взрослыми. Поэтому они нуждались в постоянном патронаже и руководстве со стороны передовых наций, включая русских, которые, невзирая на авторитарный режим, были обязаны, по мнению западных политиков, сотрудничать с другими европейцами в осуществлении цивилизаторской миссии на Востоке³⁸.

Таким образом, анализ комплекса факторов, определивших начало «Большой игры», позволяет прийти к выводу о том, что если для Санкт-Петербурга геостратегические амбиции преобладали над культурно-цивилизаторскими устремлениями и экономическими соображениями, то для Лондона две последние группы причин вступления во взаимодействие с Россией на пространствах Евразии после Крымской войны являлись не менее значимыми. Однако стремление викторианской элиты Великобритании вовлечь Центральную и Восточную Азию в систему мирохозяйственных связей, исходя из собственных интересов, ограничивалось к середине XIX в. двумя обстоятельствами: слабой изученностью евразийских пространств и необходимостью колоссальных затрат на их вовлечение в мировую экономику.

С течением времени, особенно к концу «Большой игры», связанному с подписанием англо-русской конвенции 1907 г., произошло изменение приоритетов и на берегах Невы, и на берегах Темзы. Для России, переживавшей индустриализацию, экономические вопросы отношений с Великобританией в Азии все больше выходили на первое место, тогда как для Англии решающее значение приобрела военно-политическая консолидация империи в условиях перегруппировки держав накануне Первой мировой войны.

---

³⁶ Субботин А.П. Указ. соч., с. 73.

³⁷ Yetisgin M. Op. cit., p. 45–46.

³⁸ Ibid., p. 48. О концепции «Питера Пэна» см.: Darby P. Three Faces of Imperialism. British and American Approaches to Asia and Africa, 1870–1970. New Haven – London, 1987, p. 48.